

Глава 72. Бред (11)

Левина вошла в мою комнату с каким-то уставшим лицом.

Она не стала закрывать за собой дверь, а прислонилась к косяку и некоторое время смотрела на меня.

Казалось, она едва держится на ногах.

— Как ты... поживаешь в последнее время?

Сказала Левина, мельком оглядевшись.

Её взгляд скользнул по полу, где больше не было осколков, и по опустевшей стене.

— В комнате стало немного грязнее, чем в прошлый раз.

— Просто... в последнее время был немного занят, не было времени убираться.

Хоть я и пытался снова навести порядок, но многие вещи, которые естественно занимали свои места, исчезли, и в комнате стало как-то неуютно.

Место, где висел пейзаж, подаренный Серафиной, опустело, оставив лишь след от гвоздя.

Это пустое пространство особенно бросалось в глаза.

— Так ты поэтому привел ту служанку? Чтобы она в комнате убиралась?

Спросила Левина.

При слове «служанка» я на мгновение задумался и вспомнил Линетту.

Я на миг забыл о ней.

— Я снял ей комнату. Как ты и говорил, рядом с общежитием.

Добавила она.

Я вспомнил, как Левина во флигеле применила к Линетте заклинание.

Стало немного неприятно, но я не подал вида.

— Спасибо.

Когда я с улыбкой поблагодарил, уголки губ Левины очень мелко, едва заметно, приподнялись.

— Кстати, у тебя вид нездоровый, что-то случилось?

Сказал я, чтобы сменить тему.

Голос прозвучал действительно обеспокоенно.

Мне и самому стало смешно от своих слов, но я не показал этого.

Левина, приложив руку ко лбу, ответила:

— Просто... случилось кое-что утомительное.

Сказала она, кое-как отмахнувшись.

— А головная боль, о которой ты говорил, прошла?

— Благодаря лекарству, что дала сестра, стало гораздо лучше.

От моего ответа на её губах появилась слабая улыбка.

— Хватает?

— Хотелось бы ещё немного.

— Завтра принесу ещё.

Сказав это, Левина на мгновение замолчала.

— Кстати, как эффект?

Спросила она, слегка приподняв уголки губ.

— Да так, нормально, когда голова болит или уснуть не можешь, помогает.

На эти слова Левина кивнула.

А потом, отстранившись от дверного косяка, медленно подошла ко мне.

— У меня сейчас тоже голова болит, можно разок попробовать?

Я сделал недовольное лицо.

Но тут же достал из-за пазухи трубку и набил её табачными листьями.

Посыпал немного липкого порошка из маленькой коробочки.

А потом, протянув Левине, спросил:

— Я ею пользовался, ничего?

Левина, слегка покраснев, покачала головой.

— Меня такое не волнует.

Она долго смотрела на мундштук трубки.

А потом, поднеся ко рту и осторожно зажав губами, слегка кивнула, мол, поджигай.

Я чиркнул спичкой и поднёс огонь, и она глубоко затянулась.

В этот момент её лицо исказилось.

— Кхе! Кхык, кха!

Левина безумно закашлялась.

В её глазах стояли слёзы.

Я медленно забрал у неё трубку.

— Если обычно не куришь, зачем пробовать.

— Просто... ты всё время это делаешь. Я тоже захотела попробовать.

Сказала она бормочущим голосом, её взгляд слегка помутнел.

Голос был на тон выше обычного.

Я вытряхнул из трубки не до конца сгоревшие табачные листья и кое-как потушил огонёк.

А когда собирался протереть её тканью и убрать, я заметил, что мундштук был весь в слюне, будто его облизали.

Не подавая вида, я чисто вытер его и убрал за пазуху.

Левина тупо смотрела на меня, а потом тихо заговорила:

— Разговор о разрыве помолвки, кажется, немного отложится.

— Почему?

— Не знаю. Внезапно граф Велуз прислал письмо с извинениями, мол, он слишком легкомысленно отнёсся к такому важному делу.

В её голосе слышалось непонимание.

— Не знаю, что за ветер подул.

Левина, пристально глядя на меня, спросила:

— У тебя что-то было с той девочкой, Серафиной?

— Ничего не было. В последнее время мы и не встречаемся.

— Правда?

— Наверное, просто каприз.

После этих слов разговор надолго затих.

В комнате повисла тишина.

Мы с Левиной, когда не ссоримся, всегда так — разговор прерывается.

Ведь у нас было больше того, чего нельзя сказать, чем того, что можно.

— В последнее время, правда ничего не случилось?

— Говорю же, всё в порядке. Почему ты спрашиваешь?

— Несколько дней назад в семье произошло кое-что неприятное.

Атмосфера напряжённая, так что води себя тихо, как мышь.

В её голосе слышалась какая-то тревога.

— Мне кажется, я и так достаточно тихо себя веду.

— Ещё тише.

— Ты не скажешь, что случилось?

Левина хотела было отмахнуться, сказав, что это не то, что мне нужно знать, но оборвала фразу.

Она долго молчала.

— Дядя и мать одновременно куда-то исчезли.

Услышав это, мне пришлось сдержаться, чтобы уголки губ, сами собой поползшие вверх, не выдали меня.

Я изо всех сил старался сохранить бесстрастное выражение.

— То ли в их-то возрасте сбежали от любви, то ли ещё что.

Пробормотала Левина, потирая виски.

На её лице была явная усталость.

И если бы не Левина передо мной, я бы, наверное, жил вполне достойно, а может, и как мусор, но, по крайней мере, лучше, чем сейчас.

Пришла такая мысль.

Ведь это Левина дала мне это лекарство, так может, это она меня и губит?

Но, кажется, это не так.

Ведь это я с радостью им пользовался.

Сколько бы я ни оглядывался в поисках виноватого, в конце концов, проблема сводилась ко мне, так что и решать её нужно было, становясь лучше.

Но то, что я немного поучился, вдруг стал добр к окружающим, начал заниматься благотворительностью или жить честно, ничего особо не меняло.

Все считают меня мусором, так что разве кто-нибудь послушает, если я, с моими-то поверхностными знаниями, подойду к девушке, размахивающей мечом, и скажу, что ей больше идёт лук?

Но если это скажет не ничтожный бастард, а хозяин Эдельгардов, то, может, и послушают.

Из простого бастарда стать главой семьи — это ведь довольно неплохо, правда?

А для этого нужно в конце концов убрать Левину.

Так или иначе.

Я не хотел прибегать к насилию.

Думать, что она семья, даже после такого, — может, выстрел в Левину стал для меня своего рода шоком.

Способ был.

Наши отношения были не просто братско-сестринскими, а чрезмерно ненормальными.

Мы вдвоём.

Может, потому, что мы сводные.

Любимая игрушка, собачонка, которая только в последнее время начала слушаться.

Я не знаю, кем она меня видит.

Но, по крайней мере, то, что Левина проявляет ко мне чрезмерный интерес, — это точно.

До неприятного.

— И всё же, если из-за этого переживать, ничего ведь не решится.

Сказав это, я встал, с улыбкой на губах подошёл к Левине.

И слегка помассировал ей плечи.

— Может, съездим куда-нибудь вдвоём, в какой-нибудь уединённый флигель, чтобы развлекаться?

Левина положила свою руку на мою, лежавшую на её плече.

Её рука была холодной.

— Я не думала, что ты первый предложишь мне такое.

Тихо сказала она.

На её бесстрастном лице появилась лёгкая трещина.

Выражение было довольно радостным.

Словно у ребёнка, получившего долгожданный подарок.

— Сестра ведь тоже, когда мне было тяжело, помогала мне во всём.

При воспоминаниях о том, как она, наоборот, каждый раз, когда мне было тяжело, подходила, надевала ошейник и мучила, у меня в горле встал ком, когда я произносил эти слова.

Герцогиня и Левина, которые спокойно говорили мальчику, у которого умерла мать, что его мать была шлюхой, не знавшей своего места, и что её смерть — это должное и естественное.

Сейчас я думаю, что и мать, наверное, умерла от рук герцогини.

Я думал, когда же убить герцогиню, запертую в подвале церкви, но решил передумать.

Я хочу оставить её в живых, не мучить, а просто показать ей, как я стану главой семьи.

Я не хотел становиться таким же уродливым и отвратительным человеком.

Хотя, мне кажется, я и так уже достаточно уродливый и отвратительный.

Кажется, у меня в голове всё смешалось.

Потому что, кажется, я не могу ничего, кроме этого.

— Так когда поедem?

Я сказал это, чтобы сменить тему, но Левина, кажется, восприняла это всерьёз.

— Об этом... я не подумала.

Тут Левина схватила меня за руку и притянула к себе.

Расстояние между нами мгновенно сократилось.

Её зрачки смотрели на меня в упор.

— Есть... какое-нибудь место, куда ты хочешь поехать?

Спросила она, перебирая мои пальцы в своей руке.

— Я присмотрел одно довольно уединённое место...

— Отлично.

Слабо улыбнувшись, ответила Левина, не дослушав меня.

— Освободи эти выходные. Карету я подготовлю.

Сказав это, она отпустила мою руку, встала и вышла из комнаты.

Дверь закрылась, и я снова остался один.

Я долго смотрел на место, где она стояла.

Я долго тёр о стену руку, которую держала Левина.

Кожа была содрана до крови, но ощущение её прикосновения всё ещё оставалось.